

СТАТЬИ

ЗВУКОВОЙ УРОВЕНЬ ТЕКСТА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

И. Н. Дьяченко

Ключевые слова: фоносемантическая доминанта, концептуальная система, звукоизобразительные средства, доминантный смысл, эмоции.

Keywords: phonosemantic dominance, conceptual system, sound instrumenting means, dominant meaning, emotions.

DOI 10.14258/filichel(2021)1-01

На современном этапе особую значимость приобретают науки интегративного характера. Это явление представляется вполне закономерным, поскольку фоносемантические средства языковой выразительности еще в период Античности неизменно привлекали внимание философов. К примеру, стоики достаточно обоснованно занимались изучением природы звуковой изобразительности в языке в рамках понятийного аппарата своего времени [Платон, 1990].

Звукоизобразительные средства сопровождают носителя языка с периода раннего детства, когда они проявляются абсолютно неосознанно и спонтанно, до зрелого возраста, когда индивид может намеренно и даже виртуозно использовать средства фоносемантики в речевой деятельности.

Понятие «речевая деятельность» восходит к трудам Ф. де Соссюра, актуализируясь в его дихотомии язык-речь. По мнению Ф. де Соссюра, язык представляет собой систему знаков, устойчивую и абстрактную [Соссюр, 1977]. В то же время речь является конкретной и зависит от психофизиологических особенностей людей. Эти понятия неотделимы друг от друга, поскольку язык проявляется именно в речи.

В последнее время лингвистическая наука актуализирует понимание языка как средства репрезентации психики и сознания индивида. Именно поэтому феномен речевой деятельности является весьма актуальным для ученых, исследующих язык в тесной связи с перцепцией, речевой ситуацией, мышлением и т. д. [Пищальникова, 2001; Герман, 1999].

Компоненты фоносемантики представляют неотъемлемую составную часть когнитивных процессов, поскольку, основываясь на перцепции и ощущениях индивида, что является основными элементами мыслительного процесса, они организуют деятельность индивида и прежде всего его речевую деятельность. Не случайно в последнее время особую популярность приобретают различного рода телепередачи и шоу, использующие элементы языковой игры. Речь идет о программах, где участники, к примеру, играют в слова, разгадывают разнообразные кроссворды, сканворды, sudoku и т. д. Языковые игры представляются очень привлекательными и доступными для широкого круга участников независимо от пола, возраста, уровня образования. Таким образом, смыслоформирующая и эстетическая функции языка находят свое воплощение не только в речемыслительной деятельности поэтов, писателей и других деятелей искусства, но и в повседневной речевой деятельности индивидов.

Поскольку психофизиологическая сущность индивида едина и не зависит от его языковой принадлежности, следовательно, и реализация звуко-символизма универсальна, что было доказано многочисленными исследованиями, проведенными на материале достаточно большого количества неродственных языков. Это позволило С. Ульману включить звуковой символизм в языковые универсалии [Ульман, 1970].

Восприятие языковой единицы, понимание ее смысловой структуры подразумевает построение системы концептов, являющихся собственно интерпретаторами. Так, концептуальная система понимается Р. И. Павленисом как «непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павленис, 1983, с. 280]. Поскольку сущностью интерпретации является собственно приписывание какого-либо смысла объекту, соответственно возможны варианты в интерпретации одной и той же единицы языка в различных концептуальных системах, а именно допустимо несколько вариантов интерпретации одной языковой единицы. В. А. Пищальникова справедливо отмечает, что единица языка, будучи репрезентантом ментальной сущности, соотносимой с ней в мышлении индивида, способствует восприятию и пониманию текста реципиентом [Пищальникова, 1999]. Текст в рамках психолингвистики, современной науки интегративного характера, рассматривается как продукт речевой деятельности. В свою очередь речевая деятельность является одним из видов деятельности индивида вообще. Таким образом, речевые явления в принципе не существуют вне рамок речемыслительной деятельно-

сти, что приводит к осознанию роли звукоизобразительных единиц как уровня самостоятельного сосредоточия смысла в процессе перцепции и понимания текста.

Как справедливо полагает Н. А. Рубакин, текст представляет собой набор знаков, которые обладают только потенциальным значением [Рубакин, 1927]. В этой связи смысл текста существует лишь как проекция реципиента, которая появляется в процессе перцепции и воспринимается реципиентом соответственно содержанию его мышления. Следовательно, текст, по мнению Н. А. Рубакина, являет собой континуум потенциальных интерпретаций, и только их совокупность дает возможность вести речь о содержании самого текста. Исходя из этого текст не несет смысла вне перцепции его реципиентом, и авторское содержание являет собой лишь один из множества вариантов его интерпретации. Для реципиента особо важным представляется вопрос о том, насколько мотивированно физическое тело текста репрезентирует авторскую концепцию. В целом, понимание текста реципиентом становится возможным в силу совпадения концептуальных систем его создателя и воспринимающего. Необходимо подчеркнуть, что абсолютное совпадение концептуальных систем в принципе невозможно из-за их уникальности, соответственно, не может быть понимания текста, тождественного авторскому.

В рамках концептуальной системы представляется возможным выделить некие смысловые универсалии, являющие собой инвариантные личностные компоненты. Данные универсалии называют доминантными смыслами концептуальной системы. Континуальное смысловое пространство текста представлено реципиенту в виде языковых репрезентантов этого пространства. Путем восприятия указанных репрезентантов осуществляется актуализация уже существующих и структурирование новых концептов в концептуальной системе реципиента. Выявление доминантного смысла основано на взаимоотношениях языковых единиц, репрезентирующих личностные смыслы. Личностные смыслы предоставляют реципиенту возможность воспринимать доминантные смыслы текста путем интегрирования личных.

Следует подчеркнуть, что восприятие новой информации осуществляется всей концептуальной системой реципиента с вовлечением прошлого опыта личности. В художественном тексте смысловая непрерывность проявляется чрезвычайно отчетливо из-за его целенаправленного структурирования. По справедливому замечанию Л. С. Выготского, понимание текста «...вызывается с принудительной необходимостью организацией поэтического материала» [Выготский, 1986, с. 177]. Вос-

приятие художественного текста осуществляется в процессе контакта сознания реципиента с сознанием автора, репрезентированным в материи текста.

Поскольку интерпретация текста осуществляется всей концептуальной системой индивида в целом, возможно появление множества вариантов понимания этого текста, и эти варианты не являются случайными. Это обусловлено креативностью интерпретативного поля, в рамках которого осуществляется построение новой смысловой системы, основанной на исходной (авторской), но, безусловно, не равной ее смысловой совокупности. Глубина понимания текста, несомненно, зависит от общего и языкового уровня компетенции реципиента. Таким образом, концептуальная система является неким единством, заключающим в себе потенциальные формы будущей организации, сосредоточением различных, но не случайных вариантов интерпретации. По мнению И. А. Герман, «смысловое поле как функциональная система актуализированного лексической единицей доминантного личностного смысла и как образующая сознания принципиально способно включать в себя вербальные, слуховые, визуальные, ассоциативные, предметные и иные характеристики реалии, соотносимой с лексемой-знаком поля» [Герман, 1999, с. 36]. Однако в процессе восприятия материи текста реципиентом происходит актуализация не всех репрезентированных в нем автором компонентов смысла одновременно, а лишь актуальных согласно мнению воспринимающего.

В процессе перевода иноязычного текста к его пониманию ведет совпадение концептуальных систем, репрезентированных в иноязычном тексте и в речемыслительной деятельности воспринимающего (переводчика). Единица иноязычного текста показывает на реалию, актуализируя ее концептуальную схему и образ. Если же указанная концептуальная схема, реализуемая в тексте, переводчику неизвестна, то, соответственно, понимания текста не происходит.

Переводческую деятельность в целом можно представить как воссоздание доминантного смысла текста оригинала переводчиком на основе его собственной концептуальной системы. Для репрезентации авторской концепции чрезвычайно актуальным является соответствие смысловой доминанты текста и его эмоциональной модальности, а также структурированность и изоморфизм фоносемантической доминанты текста. Соответственно, для успешного воссоздания содержания текста оригинала переводчику необходимо реконструировать гомоморфизм доминантного смысла исходного текста, фиксированной в нем эмоции и фоносемантической составляющей.

В рамках обозначенного подхода нами был исследован поэтический текст Е. Jennings «Absence» и его перевод на русский язык, выполненный М. Карп, с применением методики выявления доминантных личностных смыслов, расчета фоносемантической доминанты по А. П. Журавлеву и элементов статистического анализа материала.

В стихотворении Элизабет Дженнингс «Absence» репрезентирован доминантный смысл «потрясение». Актуализация данного смысла осуществляется на всех поэтических уровнях с помощью различных средств.

На лексическом уровне концепт «потрясение» представлен фразой «your absence» (*absence*: «1. The state of a period of being away. 2. non-existence...»). Интенсивность эмоции актуализируется в строфе «*made your absence seem a savage force*» (*savage*: «1. Forcefully, cruel or violent; fierce» [Muller, 1989, p. 928]); *force*: 1. Natural or physical power; active strength» [Muller, 1989, p. 401]). Лирический герой страдает от отсутствия дорогого ему человека, и это страдание воздействует не только на него, но и на окружающую его действительность с жестокой активностью, подчиняя себе и преображая все вокруг. На месте последней встречи лирического героя с любимым человеком ничего не изменилось, все вокруг осталось прежним, и ничто не указывает на то, что отношения завершились: сады, как и прежде, ухожены («*the gardens were well-tended*»), все так же активно и жизнерадостно бьют фонтаны («*the fountains sprayed their usual steady jet*»), как и раньше, взлетают с деревьев безмятежные, радостно поющие птицы («*the thoughtless birds... shook out of the trees, singing an ecstasy...*»). Кажется, что абсолютно ничто не в силах нарушить окружающее умиротворение («*there could not be a pain to bear*»). И именно это спокойствие, тишина, мир и безмятежность, отсутствие каких-либо изменений акцентируют в свою очередь отсутствие возлюбленной лирического героя, безжалостно вызывая тем самым у него тяжкие воспоминания о прошлых событиях. Сердечные переживания, душевные муки и страдания лирического героя переполняют его израненную душу и изливаются на окружающую его действительность: от мучений, вызванных воспоминаниями о прошлом, содрогнулось все вокруг безутешного героя («*there came an earthquake tremor: fountains, birds and grass were shaken by my thinking of your name*»).

В анализируемом стихотворении актуализируется интенсивная эмоция переживаний, безмерных мучительных страданий, абсолютной безутешности лирического героя, вызванных отсутствием его возлюбленной. Несомненно, что фоносемантическая структура анализируемого поэтического текста играет важную роль в формировании его доминирующей эмоции.

нантного эмоционально-смыслового содержания. Вычисление фоносемантической доминанты поэтического текста «Absence» последовательно отражено в таблице 1.

Таблица 1

**Вычисление фоносемантической доминанты текста «Absence»
(общее количество звукобукв в тексте — 530)**

Звукобуква	Количество звукобукв в тексте	Нормальная частотность звукобукв	Частотность звукобукв в тексте	Величина отклонения частотностей звукобукв от нормы
B	7	0,013	0,013	1
C	24	0,032	0,045	+1,41
D	17	0,020	0,032	+1,60
F, th	6+6	0,002	0,022	+11
H	1	0,008	0,002	-4
K	12	0,030	0,023	-1,30
L	И	0,020	0,021	+1,05
M	9	0,025	0,020	-1,25
N	31	0,040	0,058	+1,45
P	6	0,020	0,011	-1,82
T	23	0,055	0,043	-1,28
Th,w,v	16+8+3	0,028	0,051	+1,82
Z	9	0,013	0,020	+1,54
J	2	0,008	0,004	-2
R	8	0,024	0,015	-1,6
O	2	0,012	0,004	-3
Ch	1	0,020	0,002	-10
E	36	0,001	0,067	+6,7
e	24	0,004	0,045	+11,25
l	9	0,015	0,017	+1,13
i	16	0,041	0,030	-1,37
O	8	0,037	0,015	-2,47
o	18	0,067	0,034	-1,97
A	8	0,046	0,015	-3,07
a	3	0,049	0,006	-8,17
Oo, U	4	0,012	0,008	-1,5
o,o,u	1	0,017	0,002	-8,5

Фоносемантическую доминанту анализируемого поэтического текста составляют звукобуквы *a, э, o, д*, объединенные общими признаками «хороший, мужественный, большой, красивый, активный, величественный, храбрый, громкий». Уровень отклонения указанных звукобукв от нормальной частотности составляет «-8,17; +11,25; -2,47; +1,60». Частотность указанных звукобукв в норме составляет на 1000 знаков в речи соответственно 49, 4, 37, 20 случаев. Звукобуквы *в, з* («мужественный, сильный, короткий, быстрый, могучий») также чрезвычайно отклоняются от нормы по своим частотностям «+1,82; -3». В нормальной обыденной речи указанные звукобуквы присутствуют 28, 12 раз на 1000 знаков. Свистящие *з, с*, имеющие общие признаки «шероховатый, злой», отклоняются в исследуемом тексте от нормальной частотности на «+1,54; +1,41». Частотность их в речи составляет соответственно — 13 и 32 звукобуквы на каждую 1000 знаков. Отдельная группа была сформирована звукобуквами *п, ф, х, ч, ж* по выделяемым признакам «темный, шероховатый, слабый, угловатый, страшный». Указанные звукобуквы отклоняются от нормальной частотности на «-1,82; +11; -4; -10; -2». Частотность выделенных звукобукв в обычной речи составляет соответственно 20, 2, 8, 20 и 8 звукобукв на 1000 знаков. Звукобуквы *у, р* объединены в группу по общим признакам «большой, темный, мужественный, громкий, холодный, страшный». Они также отклоняются от существующей нормы в исследуемом материале на «-8,5; -1,6». Частотность их в норме в речи составляет соответственно 17 и 24 звукобуквы на 1000 знаков. На фоническом уровне изучаемого материала наблюдается значительное преобладание звукобукв с **отрицательными характеристиками**. Положительные признаки звукобукв поэтического текста успешно нейтрализуются отрицательными в силу их чрезвычайно более значительного отклонения от нормы в обыденной речи. К примеру, звукобуква *э*, обладающая положительными характеристиками и уровнем отклонения «+11,25» (чрезвычайно значительным), «забивается» отрицательными признаками звукобуквы *ф* с отклонением от нормы «+11». Положительно представленная звукобуква *а* с уровнем отклонения «-8,17» нейтрализуется соответственно отрицательно окрашенной звукобуквой *ч* «-10» и т. д. Несложно отметить, что отрицательно окрашенные звукобуквы обладают максимальными величинами отклонения выявленной частотности от нормы и, соответственно, **образуют содержательный звуковой тон исследуемого текста**. Отрицательные характеристики «темный, печальный, шероховатый» чрезвычайно ак-

тивно акцентируют интенсивность и непрерывность страдания, потрясения и абсолютно нейтрализуют положительную фоносемантическую значимость, присутствующую в тексте на значительно более умеренном уровне.

В переводе поэтического текста «Отсутствие», выполненного М. Карп, представлено воссоздание профессиональным переводчиком эмоционально-смысловой и фоносемантической доминант.

В строфе «*потрясена отсутствием твоим*» реконструирован доминантный смысл «потрясение», который также присутствует в заглавии и актуализируется заданной структурой смысловых связей на лексическом уровне. Также доминантный смысл репрезентируется фоносемантическим и эмоциональным уровнями анализируемого текста.

Отсутствие — «положение, когда нет в наличии кого-чего-нибудь, когда кто-что-нибудь отсутствует» [Ожегов, 1993, с. 494]. Лексема «не доставало» усиливает проявление интенсивности эмоционального содержания (*не доставать* — *отсутствовать*, *не иметься* (о **нужном, необходимом**...)) [Ожегов, 1993, с. 414]. Отсутствие возлюбленной, столь необходимой лирическому герою, очень обостренно им ощущается. Лексема «оборвалось» дополнительно акцентирует мучительное состояние разлуки, которая актуализирует внезапность перехода одного состояния в другое гораздо более активно, чем использованная автором в оригинале лексема *had ended* (*оборвать*: «3. Сразу **резко** прекратить действие, течение чего-н.» [Ожегов, 1993, с. 445] в отличие от (*end*: «I. The point at which something **stops** or after which it **no longer exists**» [Muller, 1989, p. 334]. Поле акцентуации исследуемого концепта вовлекает также целый ряд природных объектов: «*фонтаны, птицы, — вся земля дрожала, потрясена отсутствием твоим*» (Потрясти: «4. Сильно взволновать, произвести большое впечатление» [Ожегов, 1993, с. 590]). Потрясение лирического героя особенно усиливает тот факт, что место прежних свиданий осталось совершенно неизменным («*ничто не изменилось, даже малость*...»). Представленная в переводе фоносемантическая структура текста являет собой модель оригинальной структуры и репрезентируется подавляющим большинством звуков (с большим процентом шипящих и свистящих), соотносимых с отрицательными ассоциациями. Статистические данные выявления фоносемантической доминанты перевода поэтического текста «Отсутствие» сведены в таблицу 2.

Таблица 2

**Вычисление фоносемантической доминанты текста «Отсутствие»
(общее количество звукобукв в тексте — 395)**

Звукобуква	Количество звукобукв в тексте	Нормальная частотность звукобукв	Частотность звукобукв в тексте	Величина отклонения частотностей звукобукв от нормы
Б	7	0,013	0,018	+ 1,38
Б'	2	0,005	0,005	1
В	7	0,028	0,018	-1,56
В'	4	0,011	0,010	-1Д
Г	3	0,012	0,008	-1,5
Д	8	0,020	0,020	1
Д'	3	0,017	0,008	-2,13
Ж	5	0,008	0,013	+1,63
К	5	0,030	0,013	-2,31
К'	1	0,003	0,003	1
Л	7	0,020	0,018	-1,11
Л'	9	0,017	0,023	+1,35
М	14	0,025	0,035	+ 1,4
М'	2	0,007	0,005	-1,4
Н	8	0,040	0,020	-2
Н'	14	0,024	0,035	+1,46
П	8	0,020	0,020	1
П'	2	0,006	0,005	+1,28
Р	5	0,024	0,013	-1,85
Р'	4	0,014	0,010	-1,4
С	9	0,032	0,023	-1,39
С'	6	0,017	0,015	-1,13
Т	21	0,055	0,053	-1,04
Т'	10	0,020	0,025	+1,25
Ф	6	0,002	0,015	+7,5
Х	1	0,008	0,003	-2,67
Х'	1	0,001	0,003	+3
Ц	3	0,004	0,008	+2

Окончание таблицы 2

Звукобуква	Количество звукобукв в тексте	Нормальная частотность звукобукв	Частотность звукобукв в тексте	Величина отклонения частотностей звукобукв от нормы
ч	2	0,020	0,005	-4
ш	4	0,012	0,010	-1,2
щ	1	0,003	0,003	1
з	5	0,013	0,013	1
з'	3	0,002	0,008	+4
и	6	0,015	0,015	1
и	19	0,041	0,048	+1,17
ы	1	0,006	0,003	-2
ы	6	0,010	0,015	+1,5
у	2	0,012	0,005	-2,4
у	5	0,017	0,013	-1,31
е	4	0,039	0,010	-3,9
я	3	0,011	0,008	-1,38
о	8	0,037	0,020	-1,85
о	29	0,067	0,073	+1,09
а	8	0,046	0,020	-2,3
а	21	0,049	0,053	+1,08

Фоносемантическую доминанту звуковой материи исследуемого текста перевода структурируют звукобуквы *а, е, о, д* с характерными признаками «хороший, активный, светлый, яркий». Частотность отклонения от нормы в речи указанных звукобукв соответственно составляет «-2,3; -3,9; -1,85; -2,13». Частотность в нормальном речевом потоке представляет 46, 39, 37 и 17 звукобукв на 1000 знаков. В анализируемом тексте присутствует 8, 4, 8 и 8 звукобукв на 395 знаков. Звукобуквы *в, з* с общими признаками «мужественный, быстрый, сильный, короткий, могучий» представляют неотъемлемый фрагмент фоносемантической доминанты текста перевода. Их частотность отличается от нормальной (28 и 12 звукобукв на 1000 знаков) соответственно на «-1,56; -1,50». Признаки «хороший, яркий, светлый, сильный, быстрый, активный» подчеркивают умиротворение окружающей лирического героя действительности, отсутствие перемен в ней. Именно этот факт способствует интенсификации душевных страданий героя, по-

сколько окружающий мир остается без изменений, но возлюбленная отсутствует. Звуки с набором положительных характеристик лишь актуализируют, акцентируют заданные эмоции текста (душевные муки, переживания героя). Необходимо также подчеркнуть наличие комплекса звукобукв *vi, y, p* с характеристиками «большой, холодный, мужественный, громкий, темный, страшный» с количеством отклонения от речевой нормы (6, 12, 24 звукобуквы на 1000 знаков) на «-2; -2,40; -1,85» (1, 2 и 5 звукобукв на 395 знаков).

Звукобуквы *ж, ц, х', к, ф, ч, х* объединены общими характерными признаками «плохой, темный, страшный, отталкивающий, шероховатый» с отклонением от нормальной частотности на «+1,63; +2; +3; -2,31; +7,5; -4; -2,67». Частотность указанных звукобукв в речи составляет соответственно 8, 4, 1, 30, 2, 20 и 8 раз на 1000 знаков.

Несложно заметить, что фоносемантическую доминанту исследуемого текста структурируют звуки с набором отрицательных характеристик. Частотность их отклонения от установленной нормы в речи является максимальной, и они тем самым «забывают» звукобуквы с набором положительных характеристик, которые также присутствуют в изучаемом тексте, но в гораздо меньшем количестве. Звукобуквы с четко выявленным набором отрицательных ассоциативных характеристик нашли средоточие в строфах, описывающих потрясение лирического героя от отсутствия возлюбленной. Содержание звуковой материи исследуемого поэтического текста структурирует перцепцию реципиентом вышеназванного смысла. Данные, нашедшие отражение в таблицах 1 и 2, свидетельствуют о том, что фоносемантическую доминанту анализируемых поэтических текстов оригинала и перевода организуют звуки, являющиеся одинаковыми в обоих языках, т. е. тем самым репрезентируют соответственно фоносемантические универсалии. Безусловно, присутствуют звуки, являющиеся парными по твердости/мягкости, характерные для фонологической системы русского языка, но и они, как было выявлено в процессе анализа, также регулируют восприятие доминантного смысла поэтического текста реципиентом в необходимом направлении.

Перевод поэтического текста «Absence» отличается нетождественностью (а абсолютное совпадение в принципе невозможно с силу разного содержательного наполнения концептуальных систем автора и переводчика) адекватности. В переводе подчеркнут чрезвычайно резкий характер расставания героев в сравнении с текстом оригинала: «*anything had ended*» — «*ничего не оборвалось*». Описание окружающей лирического героя природы, весьма детальное в оригинальном тек-

сте, поскольку оно способствует раскрытию эмоционального состояния героя, передано достаточно общими фразами в переводном тексте: «*the gardens were well-tended, the fountains sprayed their usual steady jet*» — «*листва, газон, фонтаны, водоем*». Несколько нивелирована в тексте переводе передача строфы о диссонансе, разладе, способном нарушить спокойствие: «*any discord shake the level breeze*» — «*что-то, что шум земной покой*». Но подчеркнутому в тексте оригинала диссонансу противопоставляется природное спокойствие и душевные страдания лирического героя, что дополнительно регулирует восприятие доминантного смысла. В тексте перевода это отражено весьма слабо.

Библиографический список

- Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1986.
 Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.
 Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1991.
 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
 Павленис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. М., 1983.
 Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул, 1999.
 Пищальникова В. А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.
 Платон. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1990.
 Рубакин Н. А. Библиологическая психология и литературоведение. М., 1927.
 Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
 Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
 English verse in Russian Translation. XX-th Century. М., 1984.
 Müller V. K. English-Russian Dictionary. М., 1989.

References

- Vygotsky L. S. *Psihologija iskusstva* [Psychology of Arts]. Moscow, 1986.
 German I. A., Pishchalnikova V. A. *Vvedenie v lingvosinergetiku* [Introduction into Linguasinergetics]. Barnaul, 1999.
 Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl* [Sound and Meaning]. Moscow, 1991.
 Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, 1993.

Pavilyonis R. I. *Problema smysla. Sovremenny logiko-funktsionalny analiz yazyka* [Problem of Sense. Modern Logic Functional Language Analysis]. Moscow, 1983.

Pishchalnikova V. A. *Psihopoetika* [Psychopoetics]. Barnaul, 1999.

Pishchalnikova V. A. *Obshchee yazykoznanie* [General Language Study]. Barnaul, 2001.

Platon. *Sobranie sochineniy*. [Assembly of Works]. Vol. 1. Moscow, 1990.

Rubakin N. A. *Bibliologicheskaya psihologia i literaturovedenie* [Bibliology Psychology and Literature Study] Moscow, 1927.

Saussure F.de. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Language Study]. Moscow, 1977.

Ulman S. *Semanticheskie universalii* [Semantic Universal Items]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics. Iss. 5]. Moscow, 1970.

English verse in Russian Translation. XX-th Century. M., 1984.

Müller V. K. *English-Russian Dictionary*. M., 1989.